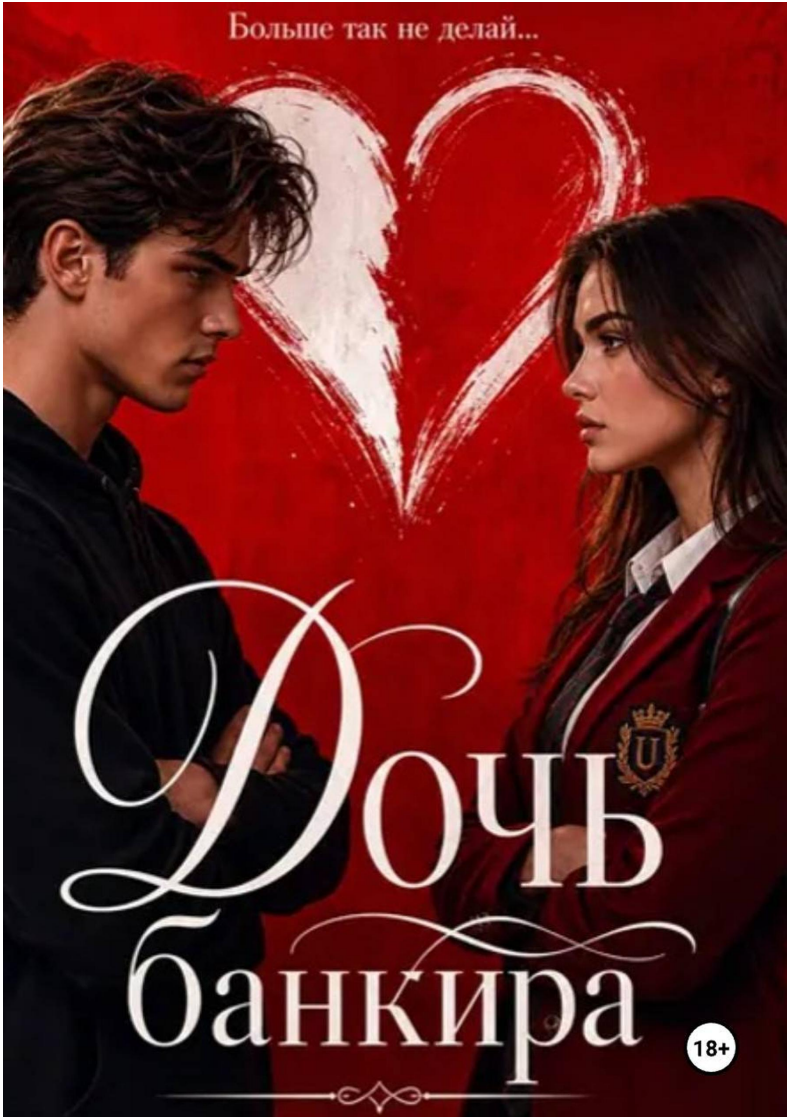

Больше так не делай...
Дочь
банкира
18+

Эмма Остин
Дочь банкира

https://litres.ru/74721614
SelfPub; 2026

Аннотация

Эльза Стоун привыкла, что мир устроен просто: самая дорогая машина, самый большой дом, самые правильные подруги — а остальное покупается. На втором курсе юрфака появляется новенький, Брайн Брестон, стипендиат в недорогой куртке, который не оборачивается, когда она входит в аудиторию, и на её улыбки отвечает: «Слушай пару».

Задетое самолюбие обходится дорого: в споре с подругой Эльза ставит на кон две недели — и стриптиз на столе перед всей группой, если не сумеет сделать Брайна своим. Она уверена, что выиграет.

Но Брайн не поддаётся. Чем холоднее он держится, тем сильнее она увязает — и в какой-то момент целует его сама. Он отвечает так, что у неё подгибаются колени, а потом отстраняется: «Больше так не делай, иначе пожалеешь».

Эльза ещё не знает, что этот парень пришёл в университет не за дипломом. И что фамилию Брестон её отец знает слишком хорошо.

Роман о любви, которая начинается как спор, и о старой вражде двух семей, в которую влюблённым придётся влезть по уши.

Эмма Остин
Дочь банкира

Глава 1 Новенький

Я всегда ставила машину на третьем месте от входа, под клёном. Считала от угла, а не от шлагбаума: от шлагбаума вышло бы четвёртое, и это было бы уже не то. Место было обыкновенное: с утра на нём лежала тень от клёна, осенью под колёсами хлюпали листья, зимой дворник сгребал туда снег, а летом руль приходилось держать через платок, до того он раскалялся. И всё равно я не променяла бы его ни на какое другое.

Не потому, что оно было лучше. Просто с первого курса оно было моим, и об этом знали все: охрана на въезде, девочки с младших курсов, которые оставляли машины на дальнем краю парковки и шли пешком. Как и всё остальное было моим: место у окна в аудитории, столик у стены в столовой, кресло в библиотеке, у второго стеллажа. В это кресло никто не садился, даже если я не приходила неделю. Я проверяла.

В то утро всё шло как всегда. Я подъехала, сдала назад, чтобы встать ровно, заглушила мотор и посидела секунду в тишине, пока радио не оборвало песню на середине. На парковке было пусто и холодно, у шлагбаума курил охранник и делал вид, что не смотрит в мою сторону.

Я открыла дверь, поправила сумку на плече, нажала на

сигнализацию. Машина мигнула фарами дважды, будто прощаясь. Утро пахло мокрым асфальтом и дымом из кофейни за углом.

Кристина ждала меня на ступенях с бумажным стаканом в руке, а второй держала за спиной, как держат сюрприз. Она всегда ждала именно здесь: на верхней площадке, под козырьком, у стеклянных дверей, где её видно от парковки. Алиса стояла рядом и говорила ей в ухо быстро, взахлёб, как говорят, когда боятся, что перебьют, а Кристина кивала с таким лицом, будто слушает, и одновременно смотрела на парковку. Когда я вышла из машины, обе замолчали.

Я поднялась по ступеням, и Кристина протянула мне второй стакан.

— Без сахара, с корицей, — сказала она. — Я угадала?

— Угадала, — я глотнула и обожгла язык.

Кофе был из автомата в холле, тот самый, который все ругали и все пили, потому что кофейня за углом открывалась только в десять. Я подержала стакан в ладонях, чтобы согреться. Утро было холоднее, чем я думала, и тонкое пальто не спасало.

— Ты опоздаешь, — сказала Кристина. — Первая пара у Марка Артуровича, он сегодня злой.

— Он всегда злой, — я поправила ремень сумки на плече и пошла к дверям. — Это его работа.

Алиса догнала меня у самого стекла, взяла под руку и подстроилась под шаг, будто мы шли не на пару, а в кино.

— А ещё сегодня новенький, — сказала она, понизив голос, чтобы его услышали все. — Говорят, из простых. По стипендии.

— По стипендии тут половина потока, — я толкнула стеклянную дверь плечом. — Это никого не удивляло два года.

Дверь была тяжёлая, с доводчиком, и я знала, в каком месте на неё нажать, чтобы она не хлопнула. В холле пахло мокрыми куртками, резиной от чужих ботинок и кофе из автомата. На полу у турникета блестели следы, кто-то уже успел пройти и натащить с улицы. У стойки охраны сидел мужчина в форме и смотрел в телефон с таким лицом, будто проверял государственную тайну.

— Так он не на платном, — Алиса понизила голос и на всякий случай оглянулась. — На бюджет, за баллы. Представляешь? С улицы человек.

Она произнесла «с улицы» так, как произносят название болезни: с ужасом и с удовольствием, потому что обсуждать чужую болезнь интереснее, чем свою.

— Прекрати, — сказала Кристина. — Звучит как будто мы тут все графини.

Она поправила шарф на шее, хотя он был завязан ровно, и посмотрела на меня. Кристина всегда так делала, когда говорила что-то, за что её могли осудить: сначала слово, потом проверка, согласна ли я.

Мимо через турникет прошли двое парней. Один, кажется, сказал «привет», но я не стала поворачивать голову. У ме-

ня было правило: если человек хочет со мной поздороваться, он может дойти.

— А мы и есть, — я улыбнулась ей через плечо. — Просто ты ещё не привыкла.

— К чему?

— К титулу.

Они засмеялись. Негромко, прилично, ровно настолько, чтобы услышали свои и не обернулись чужие. В холле, где каждый второй знает тебя, а каждый третий знает твоего отца, смеются именно так.

И я услышала в этом смехе то, что слышала всегда: они смеются, потому что смеюсь я. Сначала мне это казалось странным. Потом перестало. Мне это нравилось. Я не понимала людей, которые говорят, что это неприятно.

В коридоре нас обогнала стайка первокурсниц. Их было человек пять, и шли они не по одной и не по двое, а всей стеной, плечом к плечу, занимая половину прохода. Так ходят те, кто ещё не выучил, что в этом коридоре надо уступать. Все в одинаковых светлых куртках с капюшонами, почти новых, с рюкзаками на одном плече и телефонами в руках.

Поравнявшись с нами, они сбились плотнее и на секунду замолчали, а потом две или три обернулись на мои туфли. Сначала на каблук, потом на пряжку, потом друг на друга. Та, что шла с краю, с хвостом на макушке, сказала что-то одними губами, и её подруга кивнула, не отрывая глаз от моих ног.

Я знала этот взгляд. Так смотрят на вещь, которую хотят и знают, что не купят. Он даже не жадный. Просто внимательный, как у человека, который запоминает, что ему пока не по карману.

Туфли были новые. Я купила их в четверг в бутике на Садовой, где меня знают по имени и приносят нужный размер, не спрашивая, какой. Мягкая кожа, узкий нос, каблук на десять сантиметров, на котором я могла отстоять четыре пары подряд и не поморщиться. По коридору они стучали ровно и коротко, и я слышала этот стук раньше, чем собственные шаги.

Я знала, что до конца недели такие же появятся у половины потока, только дешевле и с другим оттенком. Это всегда происходило одинаково. Сначала одна девочка приходила в похожих и делала вид, что это совпадение. Потом вторая, уже без всякого вида. К пятнице в коридорах стучало десятка два каблуков, и половина из них была из магазина попроще, а другая половина — копией, которую заказывают по фотографии и потом уверяют, что это то же самое.

И все они думали, что я не замечу.

Меня это не раздражало. Наоборот: приятно было смотреть, как за мной повторяют и всё равно не догоняют. Догонять было нечем, и дело тут не в туфлях.

В аудитории уже сидели, и когда я вошла, несколько голов поднялись. Не все: те, кто поумнее, продолжали смотреть в конспект, будто не заметили. Я давно перестала различать,

кто из них играет, а кто правда занят.

Я прошла к своему окну, поставила сумку на подоконник и села так, чтобы видеть всех, кто входит, и чтобы все, кто входит, видели меня. Мою парту не занимали никогда, даже на первом курсе, когда мы ещё не знали друг друга по именам.

Кристина и Алиса устроились за соседней. Алиса сразу достала зеркальце и принялась разглядывать помаду, хотя помада была на месте. Кристина раскрыла конспект на середине и положила сверху телефон, чтобы казалось, что она читает.

— Ты слышала, что в пятницу у Лизы? — спросила Алиса, не отрываясь от зеркальца.

— У какой Лизы?

— Ну, с четвёртого курса, у которой отец в мэрии. — Алиса закатила глаза. — У неё что-то дома будет. С родителями, с фуршетом.

— Не слышала и не расстроилась, — я откинулась на спинку стула. — В пятницу у меня.

— Что у тебя? — она наконец отложила зеркальце и развернулась ко мне всем корпусом.

— Пока не знаю. Но точно будет лучше, чем у Лизы.

— Это не ответ, — сказала Алиса. — Ты всегда так.

Кристина фыркнула коротко и в сторону, будто ей было смешно и она не хотела, чтобы это заметили. Я достала телефон и положила его на парту экраном вниз. Не то чтобы я

собиралась слушать Марка Артуровича. Просто у меня было правило: я решаю, на что смотреть, а не телефон.

В аудитории гудели. Кто-то входил и здоровался сразу с пятью людьми, кто-то тащил стул через весь ряд, кто-то смеялся над чем-то в телефоне. За окном по двору шли те, кто не успел, и их тени тянулись по асфальту длинные и тонкие.

Дверь открылась ровно в половине десятого. Марк Артурович вошёл, как всегда, не поздоровавшись, с папкой под мышкой, и эта папка выглядела так, будто в ней лежали все наши несданные работы разом. За ним, чуть отстав, шёл парень.

Я заметила его раньше, чем разглядела. Не потому, что он был красивый, хотя он был. Просто он вошёл не так, как входят новенькие: не огляделся по сторонам, не поискал свободное место, не придержал дверь, извиняясь перед всеми. Он шёл за преподавателем ровно, чуть отстав, и смотрел вперёд, будто эта аудитория была ему знакома. У третьего ряда остановился и стал ждать, как будто стоял тут каждый день.

Марк Артурович поставил на стол журнал, сдвинул его на пару сантиметров к середине и поправил очки. Он всегда так делал, когда собирался сказать что-то важное: чтобы все успели посмотреть на него и всё поняли.

— Знакомьтесь, — сказал он, не поднимая глаз. — Брайн Брестон. Перевёлся к нам на второй курс. Прошу любить и жаловать.

Голос у него был тот же, что всегда: ровный, без интереса,

как будто он читал объявления на вокзале.

Парень кивнул. Одному Марку Артуровичу, не нам. Коротко, по-мужски, как кивают, когда дело сказано. В аудитории кто-то шепнул что-то одобрительное, и шёпот поплыл по рядам.

Я разглядела его за те три секунды, что он стоял. Тёмные волосы, коротко стриженные на висках. Тёмная куртка без логотипов, простая, но не дешёвая, я такое отличаю с первого взгляда. Джинсы, кроссовки, у которых стёрта пятка. Всё это вместе стоило меньше, чем мой ремень, и всё-таки стоял он так, что куртка не портила картины.

Я всегда замечаю это первой: как сидит вещь. На нём всё сидело.

— Присаживайтесь, — Марк Артурович махнул рукой на свободное место во втором ряду, у прохода.

Обычно он не показывал, кому куда садиться. Новенькому показывал всегда, чтобы тот не бродил между рядами и не задерживал пару.

Брайн сел. Не спеша снял рюкзак, поставил его на пол, достал тетрадь и ручку. Положил телефон экраном вниз, как я минуту назад. Открыл тетрадь на первой странице, разгладил её ладонью и поднял голову.

В аудитории стало тихо. Так бывает, когда все ждут одного и того же и никто не хочет признаться, что ждёт. Двадцать человек смотрели на второй ряд, а он не обернулся.

Кристина чуть наклонилась ко мне и сказала так тихо,

чтобы услышала только я:

— Ничего себе, — прошептала она.

Я промолчала. Не потому, что мне было нечего сказать. Просто я ещё не решила, что именно скажу, а говорить вслух, чтобы потом передумать, я не люблю.

Марк Артурович открыл журнал и начал перекличку, хотя знал нас всех по именам с первого курса. Он вёл пальцем по списку, называл фамилию и поднимал глаза на полсекунды, чтобы проверить. Он всегда так делал, когда хотел показать, кто здесь главный. Я отвечала «здесь» раньше, чем он успевал договорить фамилию, и смотрела при этом не на него, а в окно. За стеклом по двору всё ещё шли опоздавшие, и ветер гонял жёлтый лист, гонял долго, пока не прижал его к урне.

Потом он стал спрашивать по теме. Тема была скучная: обязательства, сроки, ответственность за просрочку. Вопросы он задавал, как забрасывают сеть, широко и без особой надежды на улов. Половина аудитории смотрела в телефоны, половина делала вид, что пишет. Я знала эту тему, но отвечать не собиралась. Отвечать на первой паре после выходных — это как приходить на вечеринку в домашних тапочках.

Аудитория молчала. Не так, как молчат, когда не знают, а так, как молчат, когда не хотят. Марк Артурович дошёл до третьего вопроса и остановился, держа ручку на весу.

— Ну? Кто-нибудь? Это же элементарно.

Он произнёс это с тем удовольствием, с каким преподаватели говорят «элементарно», когда заранее знают, что ни-

кто не ответит: теперь можно объяснить самому и поставить минус в журнал.

И тут поднялась рука во втором ряду. Не резко и не с вызовом, как поднимают руки отличники, а спокойно, будто человек поправил воротник.

— Можно? — сказал Брайн.

Он говорил ровно, без пафоса, как человек, который не сомневается, что его выслушают. Назвал статью, потом объяснил случай на примере, потом добавил, где обычно ошибаются. Голос у него был негромкий, но в тишине слышалось каждое слово, и это раздражало больше всего. Я поймала себя на том, что слушаю, и это было неприятно.

— Верно, — сказал Марк Артурович. Он помолчал, словно решал, не добавить ли ещё что-нибудь, потом сделал в журнале пометку, короткую и аккуратную. — Садитесь, Брестон.

«Садитесь» прозвучало так, будто Брайн стоял по его просьбе, а не по своей.

Он сел. Не улыбнулся, не посмотрел по сторонам и не стал ждать, что кто-то оценит его ответ. Просто записал что-то в тетрадь, подчеркнул одной чертой и снова поднял голову на преподавателя. Как будто ничего не случилось. Как будто он каждый день отвечал на «элементарно» и каждый день получал пометку в журнале.

Я смотрела на его затылок. Тёмные волосы, ровная линия стрижки на шее, воротник куртки чуть отогнулся. Одна

прядь на макушке стояла дыбом, и мне почему-то хотелось её пригладить. Я ждала, что он обернётся. Любой на его месте обернулся бы: проверить, какое впечатление произвёл, поймать чей-то взгляд, найти в аудитории хоть одно лицо, которое смотрит на него с интересом. Он не обернулся ни разу.

— Он и правда ничего, — прошептала Алиса. Сказала мне в ухо, но так, чтобы услышала и Кристина.

— Кто? — спросила я, хотя понимала, о ком она, и сама слышала, как это глупо.

— Новенький, — Алиса закатила глаза. — Ты видела, как он отвечал?

— Я видела, как он сидит, — сказала я громче, чем нужно. Голос в тишине прозвучал так, будто я стукнула по столу.

Несколько человек впереди обернулись. Кристина посмотрела на меня с тем выражением, с каким смотрят, когда человек делает что-то не то, а сказать неудобно. Брайн не обернулся.

Я взяла ручку и принялась рисовать на полях конспекта квадратики, один в другой. Сначала они выходили ровные, потом поехали. К концу пары их было штук двадцать, и все кривые. Конспект я так и не открыла. На первой странице было моё имя, написанное ещё на первом курсе, и дальше ничего.

Когда Марк Артурович закрыл журнал, аудитория зашевелилась, будто с неё сняли крышку. Брайн собрал тетрадь в

рюкзак, встал и пошёл к выходу, не глядя ни влево, ни вправо. У двери его уже ждали двое парней с потока. Один хлопнул его по плечу, второй что-то сказал, и Брайн усмехнулся. Коротко, одним углом рта, но усмехнулся.

Я осталась сидеть, глядя на дверь, за которой он исчез.

— Ты идёшь? — Кристина стояла в проходе с сумкой на плече и телефоном в другой руке. Она уже накинула пальто и ждала, перекладывая телефон из ладони в ладонь.

— Иду.

В коридоре было шумно, как всегда после первой пары. Сто человек одновременно выходили из аудиторий, кто-то искал вторую пару, кто-то уже шёл к выходу, и все говорили сразу. Мы шли в столовую, и я слышала, как за спиной кто-то говорит: «Этот новенький...» — и ещё раз, и ещё. На лестнице две девчонки с первого курса проводили его взглядом, а одна проводила и вздохнула, как будто ей что-то подарили и тут же отняли.

— Вот и всё, — сказала Алиса, увидев это. — Теперь полгода будем слушать про Брестона.

— Полгода? — я подняла бровь. — К четвергу забудут.

Сказала и сама услышала, что слишком быстро.

В столовой пахло подгоревшей кашей и мокрыми подносами. Я села на своё место у стены, спиной к окну, лицом к залу, чтобы видеть всех, кто входит. Кристина с Алисой пошли к раздаче, и на минуту я осталась одна.

Брайн стоял в очереди с подносом, и я опять поймала себя

на том, что смотрю на него. Не потому что он был красивее остальных. Нет, красивее, конечно, но дело было не в этом. Все в этой очереди вели себя как в очереди: переминались, смотрели в телефон, кто-то смеялся слишком громко, чтобы его заметили. Он стоял спокойно, будто ему не важно, что дадут и дадут ли вообще.

Он взял кофе и булку, приложил карту и пошёл через зал к столику в дальнем углу, где уже сидели те двое. Мимо меня прошёл, не взглянув.

Я честно ждала, что он хотя бы скользнёт глазами по моему лицу. Хотя бы на секунду. Люди обычно смотрят: на новое лицо, на помаду, на вырез, на что угодно.

Не скользнул. Даже голову в нашу сторону не повернул, будто я была пустым стулом.

— Ты чего? — спросила Кристина. Она уже села напротив, поставила поднос и развернула его к себе. На подносе была каша, которую она не собиралась есть, и стакан сока.

— Ничего.

— Ты какая-то злая. — Она сказала это тихо и без упрёка, как врач, который уже поставил диагноз и теперь ждёт, когда пациент с ним согласится.

— Я не злая, — сказала я. — Мне скучно.

Вторую пару вела преподавательница по гражданскому. Она входила в аудиторию, как входят в собственный дом: с папкой под мышкой, в костюме, который был старше нас всех вместе взятых, и с выражением лица, будто каждый из

нас был обязан ей уже одним своим присутствием. Она любила разбирать дела вслух и любила, когда спорили: тогда она поворачивалась к спорящему всем корпусом и слушала с удовольствием.

Я села через два ряда от Брайна, у прохода, чтобы видеть его лицо, а не затылок. Место было не моё, не у окна, и Кристина с Алисой остались за спиной, но это было неважно. Зачем мне это было нужно, я бы не объяснила.

Она дала задачу про поставку и неустойку, из тех, где всё решает одна строчка в договоре. Поток зашелестел конспектами, кто-то начал спорить, кто-то сразу сдался и уткнулся в телефон. Я подняла руку и ответила так, как умела: коротко, точно, с той уверенностью, которая всегда работала в этой аудитории. Преподавательница кивнула и назвала меня по фамилии — «Стоун», — и это тоже всегда работало.

Я села и посмотрела на Брайна.

Он смотрел в тетрадь. Писал. Не поднял голову ни на «Стоун», ни на паузу, которая повисла после моей фамилии.

Не «делал вид, что пишет», а писал: у него под рукой шла строка за строкой, ровная, мелкая, без помарок. Я видела, как он поставил точку, перевернул страницу и продолжил на новой, хотя на паре никто не пишет столько. Как будто моя фамилия, произнесённая вслух, была для него таким же шумом, как гудение лампы под потолком.

— Брестон, — сказала преподавательница, — а вы что думаете?

Она произнесла его фамилию так, как произносят незнакомое слово: с осторожным любопытством.

Он поднял голову. Не сразу, а когда дописал строчку и поставил точку.

— Я думаю, что она права, — сказал он. — Но есть второй вариант.

И, не дожидаясь разрешения, начал говорить.

Он выдал второй вариант так же ровно, как утром, с той же спокойной уверенностью, от которой у меня начало сводить челюсть. Он не спорил с моим ответом, он его продолжал, как продолжают черновик, уже написанный до половины. Преподавательница заинтересовалась: подошла ближе, облокотилась на стол, задала вопрос. Они сцепились на минуту, и в этой минуте не было ни капли того, что было в моём ответе: ни позы, ни желания понравиться. Просто два человека, которым важно, как правильно.

Кристина толкнула меня под партой коленом. Не сильно, но так, чтобы я почувствовала.

— Ты видела? — шепнула она и наклонилась так близко, что я почувствовала её духи.

— Что я должна была видеть?

— Он тебя даже не послушал. — Кристина сказала это с таким видом, будто сообщала плохую новость и ждала, что я начну спорить.

— Он меня послушал, — сказала я. — И согласился.

— Он согласился с преподавательницей, а не с тобой. —

Она откинулась на спинку.

Я промолчала, потому что сказать было нечего. Вернее, было что, но всё это звучало бы как оправдание, а оправдываться перед Кристиной я не собиралась.

На перерыве мы вышли в коридор к окну, где всегда стояли: широкий подоконник, за ним двор и парковка, дальше крыши соседних домов. Алиса сразу закурила бы, если бы разрешали, но не разрешали, поэтому она просто держала незажжённую сигарету и вертела её в пальцах. Тонкую, белую, дорогую, из тех, что носят с собой для вида.

— Ну и? — спросила она.

— Что «ну и»?

— Ты весь день на него смотришь. — Алиса кивнула куда-то в сторону аудитории.

— Я на него не смотрю.

— Ты на него смотришь, — сказала Кристина. — А он на тебя не смотрит.

— Может, он вообще не по девочкам, — предположила Алиса. Сказала вполголоса и оглянулась, будто в коридоре мог стоять кто-то из его друзей.

— Может, он вообще не по людям, — сказала я.

Они засмеялись, и я вместе с ними. Смех вышел короткий и злой, и на секунду мне стало легче, а потом я снова увидела его в конце коридора: он стоял с теми двумя парнями у доски объявлений и что-то объяснял, показывая рукой в сторону лестницы. Они слушали его так, как слушают чело-

века, который говорит дело: не перебивая, кивая, сдвинувшись ближе.

Ни одна девчонка к нему не подошла. Это было почти оскорбительно. В нашем университете к новенькому, который не урод, подходят в первый же день: спросить, откуда он, как его зовут, что ему тут нравится. Все это знают. А к нему не подошли. Стояли на расстоянии, смотрели и не подходили, будто там была не просто компания, а что-то, к чему нельзя присоединиться.

Не дожидаясь третьей пары, я уехала. В машине было тепло, пахло кожей и моим парфюмом, играло радио. Я выехала со стоянки и только на светофоре поняла, что весь день, оказывается, искала в коридорах его затылок: на лекции, на лестнице, у автомата с кофе, в столовой. И весь день не находила.

Я выключила радио и поехала домой быстрее, чем нужно. Дорога была знакомая до последнего поворота, и всё равно я проскочила поворот к дому и разворачивалась через дворы. В голове было одно: этот заучка с улицы прошёл мимо меня так, будто меня не было в аудитории. Так, будто я была окном, а не Эльзой Стоун.

Я поставила машину в гараж и осталась сидеть в темноте ещё минуту, положив руки на руль. В гараже пахло бензином и старым деревом, где-то капала вода. Я смотрела на свои пальцы и злилась так, что они дрожали.

Вечером я лежала на кровати в домашнем и листала об-

щий чат потока. Там было, как всегда, штук двести сообщений: про перенос пары, про чью-то сломанную машину, про то, кто с кем поссорился, и фотография чьей-то кошки. Я листала вниз, не понимая, что ищу.

И между ними, ближе к концу, нашла. Сообщения шли подряд, короткие, с пропущенными запятыми, как будто люди писали на ходу.

«Кто знает, откуда этот Брестон?» — спросил кто-то в девять вечера.

«Говорят, из другого города. Вернулся недавно» — ответили через минуту.

«А чего не на платном?»

«Стипендия, у него баллы огонь»

«Я слышала, у него отец кто-то был, а теперь нет»

На этой строке я остановилась.

Я лежала и смотрела на эти строки. Про отца перечитала трижды. Ниже кто-то написал: «Он вообще странный», и ещё ниже: «В смысле?», и ответа не было. Я подождала минуту, потом ещё одну, будто ответ мог появиться сам.

Я не стала ничего писать. Я вообще никогда ничего не писала в этом чате, для этого есть подруги. Я просто закрыла его и положила телефон на подушку, потом взяла снова и полистала ленту, потом опять закрыла.

В моей комнате было тихо. За окном горели фонари вдоль дороги, и в их свете был виден весь наш сад: обрезанный, подстриженный, ровный, с дорожкой, посыпанной гравием.

На первом этаже мама, наверное, смотрела свой сериал, папа сидел в кабинете, прислуга убирала со стола посуду и звенела тарелками. Всё это шло без меня и всегда шло без меня, и раньше мне это нравилось.

Я выключила свет. Комната стала синей от фонарей, и тени от веток легли на потолок. Телефон я оставила на подушке, потом через минуту убрала его на тумбочку, чтобы не смотреть.

Дом потихоньку затихал. На первом этаже щёлкнул телевизор, потом открылась и закрылась дверь кабинета, потом всё стихло. Я лежала и слушала, как за окном шумит ветер в клёне, и как в гараже капает вода, хотя из комнаты этого слышно не было.

Ничего. Завтра он обернётся. Я приду раньше, сяду ближе и скажу что-нибудь такое, что нельзя не услышать. Пусть попробует не обернуться.

Я повернулась на бок, подоткнула подушку и закрыла глаза. В темноте передо мной всё ещё стоял его затылок: тёмные волосы, ровная линия стрижки, прядь дыбом.

Он ещё посмотрит. Не завтра, так через неделю. Так, как смотрят, когда уже не выходит делать вид, что не видят.

Я умею ждать. Сидеть на подоконнике до темноты, проходить мимо и не оборачиваться первой, улыбаться так, чтобы человек сам сделал шаг.

Только с ним ждать почему-то не хотелось. С ним хотелось, чтобы завтра наступило прямо сейчас.

Глава 2 От прошлой жизни

Отец пил чай, когда я вышел из комнаты. Сидел за столом на кухне, в старой рубашке, с газетой, которую не читал, и смотрел не в неё, а в окно, на двор. Окно было низкое, первый этаж, и наполовину закрыто решёткой: за ней асфальт, мусорный бак и чей-то серый забор.

— Доброе утро, — сказал я.

— Доброе. — Он не обернулся. — Чайник горячий.

Я налил себе чаю и сел напротив. В квартире было тихо, как всегда по утрам: сосед сверху ещё не начал ходить, за стеной у кого-то бормотал телевизор. Квартира маленькая, но чистая: отец драил её каждую субботу, как будто от чистоты что-то зависело. Стол протёрт до блеска, чашки стоят на местах, полотенце висит ровно, как в больнице.

Две комнаты, кухня и узкая прихожая, где мы развесили куртки на три крючка. Всё, что осталось от жизни, в которой были другие комнаты, другая прихожая и гардеробная с зеркалом до потолка. Я не жаловался. Иногда мне даже казалось, что отцу здесь легче: меньше убирать.

— Сегодня? — спросил он. Голос ровный, как будто он спрашивал про погоду.

— Сегодня.

Он кивнул и отпил из чашки. Держал её двумя руками, хотя чай уже остыл. Газета лежала перед ним сложенная, неразвёрнутая, и я знал, что он не прочитал ни строчки. Он покупал её по привычке, как курил когда-то, и так же забывал:

пачка могла пролежать у него в кармане неделю.

— Ты уже решил, — сказал он. Не вопросом.

— Решил.

Он поставил чашку на стол. Аккуратно, ровно на подставку, как будто это было важно.

— Я тебя не прошу, — он повернулся ко мне всем корпусом. — Ты понимаешь, что я тебя не прошу.

Так он смотрел мне в глаза только в двух случаях: когда хотел, чтобы я запомнил, и когда боялся, что не запомню.

Я понимал. Три года он просил только одного: чтобы я жил своей жизнью и не лез в это. И три года я делал вид, что согласен. Это было единственное враньё, которое я позволял себе в его сторону, и он, наверное, знал.

— Я не в этом, — сказал я. — Я в университете. Учиться.

Сказал слишком быстро. Он услышал.

Отец смотрел на меня долго, не отводя глаз, и я выдержал, потому что отвести взгляд было бы признанием. В его взгляде не было ни злости, ни упрёка, ничего такого, к чему я привык за эти годы: ни отчаяния, ни просьбы. Только усталость человека, который уже понял, что его сын такой же упрямый, как он сам, и что спорить с этим бесполезно.

— Учиться, — повторил он. — В том самом университете.

Он произнёс «в том самом» так, как произносят название болезни: негромко и с отвращением.

— В том самом.

— И ты думаешь, я поверю, что тебе там нужна юриспру-

денция? — Он не повысил голос. Он вообще никогда не повышал.

Чай у меня остывал в руке. Я поставил чашку на стол и стал смотреть, как на поверхности плавает чаинка. Она кружилась, потом тонула, потом снова всплывала, и я поймал себя на том, что жду, всплывёт ли она ещё раз.

— Мне нужна стипендия, — сказал я. — И диплом.

— И диплом, — согласился он. — Конечно.

Он сказал это без злости. Просто повторил за мной, как повторяют за ребёнком, который врёт, что не ел конфеты, и весь стоит в шоколаде.

— Тебе нужно к нему подойти, — сказал отец. — Вот что тебе нужно.

Он сказал «подойти» так спокойно, будто речь шла о том, чтобы поздороваться за руку.

Он встал. Стул скрипнул по линолеуму, и этот звук я почему-то запомнил лучше всего остального. Он пошёл к раковине, открыл воду и поставил чашку. Вода шумела долго, дольше, чем нужно, чтобы сполоснуть одну чашку. Я смотрел на его спину, на то, как под рубашкой двигаются лопатки, и молчал. Так он всегда делал, когда не хотел, чтобы я видел его лицо.

— Я его не трону, — сказал я. — Пока.

— Пока, — сказал отец в раковину.

Он закрыл воду и вытер руки полотенцем, которое висело ровно, как в больнице. Я смотрел на его спину, на то, как она

ссутулилась за эти три года, и мне стало так, будто я встаю, чтобы выйти из комнаты, в которой человеку и без меня тяжело.

— Я всё сделаю сам, — сказал я. — Ты не будешь ни в чём участвовать. Ничего не будет.

Я говорил это ему в спину, и голос у меня был уверенный. Врал я всегда хорошо. Особенно когда врал себе.

Отец обернулся. Медленно, держась за край раковины.

— Я не о том боюсь, — сказал он. — Я боюсь не того, что ты с ним сделаешь. Я боюсь того, что он с тобой сделает.

Он сказал это тихо, почти буднично, и от этой будничности у меня похолодело в затылке.

Я ничего не ответил. Встал, поставил чашку на блюдце, и она звякнула громче, чем я рассчитывал. Пошёл в комнату одеваться. В коридоре было темно, и я не стал включать свет.

Куртка висела на стуле с вечера. Тёмная, без логотипов, из прошлой жизни, когда я покупал вещи, не спрашивая цену. Джинсы, кроссовки, у которых стёрлась пятка. Я натягивал это на себя, как форму, и в этом была своя логика: человек в дорогой куртке запоминается, человек в обычной — нет. Мне нужно было, чтобы меня не запоминали хотя бы первую неделю.

Три года назад у нас было всё. Дом в три этажа с садом, машины в гараже, отцовская фирма, в которой работали сотня человек. Я учился в школе, куда возили на машине с водителем, и не знал, сколько стоит хлеб.

Потом пришёл Стоун — не лично, конечно, Стоун никогда ничего не делает лично, — и всё кончилось.

Сначала у отца испортились дела. Он приходил поздно, молчал, не отвечал на вопросы и всё чаще оставался ночевать в кабинете. Потом пошли суды, письма с гербовыми печатями, звонки, на которые он не отвечал. Потом один из партнёров перестал здороваться, и это оказалось хуже судов: я тогда впервые понял, что люди не прощают не денег, а провала.

Отец потерял партнёрство, деньги и имя. Мать уехала в другую страну, потому что не смогла смотреть на этот развалившийся город, и в этом её никто не винил, даже отец.

Я тогда был мальчишкой. Помню, как мы запирали дом: как отец в последний раз прошёл по комнатам, будто прощаясь, как выключил свет в коридоре, как проверил каждую дверь. Помню, как ключ повернулся в замке и как отец впервые в жизни не знал, что сказать мне, сыну, стоящему рядом. Он стоял на крыльце с ключом в руке, и лицо у него было такое, будто он вышел из дома и забыл, зачем.

Месяц назад мы вернулись. Отец не хотел: говорил, что на новом месте у него хоть какая-то работа, а здесь ничего. Я настоял. Сказал, что здесь квартира, здесь университет, здесь у меня всё сойдётся.

Я подал документы туда, куда все богатые отдают детей, и прошёл по конкурсу: баллы у меня были, олимпиады тоже, всё это осталось от прошлой жизни, как часы, которые я до

сих пор берегу. Стипендия небольшая, но нам хватало: отец нашёл подработку, что-то с бумагами, я не спрашивал. Общежитие не нужно. Всё сходилось, так я себе говорил, будто у человека может что-то сойтись, когда он возвращается в город не жить, а рассчитаться.

Я посмотрел на себя в зеркало в прихожей. Ровное лицо, тёмные волосы, стриженные коротко. Ничего от того парня из прошлой жизни. Портфеля нет, рюкзак.

Я попробовал улыбнуться, как улыбаются люди, у которых всё хорошо. Получилось плохо. Ну и ладно: в университете мне не нужно улыбаться.

— Я пошёл, — сказал я в сторону кухни.

— Брайн.

Голос отца догнал меня у самой двери.

Я остановился.

— Ты пообещал, — сказал отец.

— Я помню.

Я не обернулся. Если бы обернулся, пришлось бы смотреть ему в глаза, а я не был уверен, что выдержу.

Я вышел из квартиры и закрыл за собой дверь. На площадке пахло краской, кто-то только что красил перила, и я шёл, не касаясь их. Спустился по лестнице, толкнул дверь подъезда и вышел во двор.

Во дворе было пусто. У соседнего подъезда женщина в халате выгуливала собаку, собака обнюхивала урну, женщина смотрела в телефон. Она подняла на меня глаза и тут же

опустила. Я кивнул, хотя она уже не смотрела.

Мотоцикл стоял у подъезда, накрытый чехлом от дождя. Я снял чехол, сложил его, прицепил сзади и надел шлем.

Мотоцикл был единственным, что я не продал. Когда мы распродавали дом, я вынес из гаража всё, что можно было вынести, и оставил только его. Отец ничего не сказал. Наверное, понимал: мальчику нужна хоть одна вещь, которую у него не отняли.

До университета я доехал за двадцать минут. Утром город был серый, мокрый после ночного дождя, и ветер бил в шлем так, что приходилось пригибаться. Дорога шла через центр: широкие улицы, светофоры, витрины, которые ещё не открылись, редкие прохожие на переходах.

Я мог бы поехать на автобусе, как нормальный студент, но автобус — это сорок минут с пересадкой и разговоры о всякой ерунде, а мне нужно было, чтобы голова перед первым днём осталась пустой. В автобусе ещё смотрят друг на друга и запоминают. На мотоцикле тебя нет.

На парковке я поставил мотоцикл в дальнем углу, у забора, где не бросается в глаза. Ближе к входу стояли машины, одна дороже другой, и я на секунду поймал себя на мысли, что знаю цену каждой. Это знание осталось от прошлой жизни и не хотело уходить.

Снял шлем, пригладил волосы ладонью, поправил рюкзак на плече. Со стороны — обычный парень, каких тут сотни.

Пропуск мне выдали на прошлой неделе, в кабинете на

первом этаже, где пахло принтером и остывшим кофе. Пластиковый, с фотографией, на которой я выглядел так, будто меня разбудили посреди ночи и попросили не двигаться десять секунд. Я достал его ещё на подходе, чтобы не искать при охраннике.

У турникета охранник поднял на меня глаза. Немолодой, с седым ёжиком, в форме, которая была ему великовата. Он взял пропуск, посмотрел на фотографию, потом на меня. Дольше, чем на других, мне показалось.

— Новенький? — спросил он.

— Второй курс. Перевёлся.

Он хмыкнул, ещё раз глянул на фото, будто сравнивал, и вернул карточку. Я выдержал, хотя внутри что-то дёрнулось, старое, из тех времён, когда каждый посторонний взгляд кажется проверкой.

— Проходите, — сказал он наконец.

Турникет щёлкнул, пропустил меня, и я оказался в холле.

Тут было людно и шумно. Кто-то здоровался, кто-то искал расписание на стене, кто-то бежал, придерживая рюкзак на одном плече. Пахло кофе из автомата, мокрыми куртками и полом.

Я нашёл свою аудиторию по номеру на расписании, поднялся на второй этаж и остановился у окна, ждать преподавателя. Мимо шли студенты: кто-то в наушниках, кто-то с ноутбуком под мышкой, кто-то с подносом из столовой. У окна было прохладно, стекло пахло осенью, и до пары оста-

валось минут десять.

Я знал, что увижу её здесь. Я вообще много чего знал: что она учится на втором курсе, что её отец — Бернард Стоун, что она ездит на дорогой машине и что у неё нет ни одной причины подозревать, кто я такой. Я готовился к этому дню месяц. Просматривал фотографии, читал то немногое, что осталось в сети, запоминал лица.

В моём телефоне была папка, и в ней лежали снимки с чужого праздника, где её отец стоял в светлом пиджаке и улыбался так, как улыбаются люди, которым всё позволено. Я смотрел на него долго, пока не запомнил каждую складку у глаз.

Всё равно, когда она прошла мимо, я узнал её не сразу. Фотографии — это фотографии. Человек на них никогда не совпадает с человеком в коридоре.

Она шла с двумя подругами, что-то говорила и смеялась, и каблуки стучали по плитке так, будто у коридора был ритм. Волосы длинные, каштановые, рассыпаны по плечам, сумка на ремне через плечо. В руке она держала стакан с кофе и жестикулировала им, ни капли не боясь пролить.

У окна она обернулась к подруге, и я увидел лицо. Не то лицо, что на снимках: живое, чуть припухшее со сна, с прищуром, будто она только что вышла из темноты на свет. Карие глаза, тёмные брови, улыбка на половину, как у людей, которые смеются не для других, а потому что смешно.

Я стоял в двух шагах и смотрел.

Она прошла мимо, не взглянув, и я даже почувствовал что-то вроде благодарности. Потому что если бы взглянула, то увидела бы, что я стою и смотрю, как дурак, и весь мой план лопнул бы в первую минуту.

План, если честно, был простой. Войти. Присмотреться. Найти то, чем можно ударить. Я не знал, что именно это будет: слово, старая бумага, чей-то долг, что-то из тех папок, которые отец хранил и не показывал. Но я знал, куда идти и зачем. Три года я жил с этой мыслью, и она держала меня, как держит человека работа, к которой он не хочет возвращаться, но возвращается каждое утро.

Я не ожидал, что она окажется красивой. Этого не было ни в одном моём расчёте. Красоту не купишь и не подделаешь, от неё нет защиты, и меня это почему-то разозлило.

В аудиторию мы вошли вместе с преподавателем. Он толкнул дверь первым, пропустил меня вперёд, и я шагнул в свет: окна во всю стену, столы рядами, на подоконнике чья-то забытая папка. Я шёл за ним и смотрел вперёд, чтобы не смотреть на неё.

Она сидела у окна, положив сумку на подоконник, и была в этой аудитории единственным, что я вообще замечал.

— Знакомьтесь, — сказал преподаватель и постучал ручкой по столу. — Брайн Брестон. Перевёлся к нам на второй курс. Прошу любить и жаловать.

Он произнёс моё имя так, будто читал его с листа, и оглядел аудиторию, ожидая, что все проявят интерес.

Я кивнул ему одному. Не им, которые повернулись и разглядывали, кто-то с любопытством, кто-то равнодушно. Не ей.

Мне показали место во втором ряду, у прохода. Я сел, снял рюкзак, повесил его на спинку стула, достал тетрадь и ручку, положил телефон экраном вниз. Всё это я делал медленно, как делают, когда за тобой смотрят, хотя за мной никто не смотрел.

Пара началась. Преподаватель ходил вдоль доски и задавал вопросы по очереди. Аудитория молчала. Кто-то смотрел в телефон, кто-то в окно, кто-то делал вид, что пишет.

Я ждал. Я не собирался отвечать: мне нужно было сидеть тихо, запоминать, приглядываться. Но когда он третий раз повторил, что это элементарно, в голосе у него было столько усталого раздражения, что я почему-то поднял руку.

Может быть, потому что я вообще не умею смотреть, как человек тонет. Может быть, потому что хотел, чтобы она обернулась. Я до сих пор не знаю, что из этого правда.

Я ответил коротко, по делу. Преподаватель сказал «вот, пожалуйста» и посмотрел на класс так, будто выиграл спор. Она не обернулась. И я вдруг понял, что мне это не всё равно, и это было хуже всего.

До конца пары оставалось минут пять, и они тянулись, как резина. Потом преподаватель закрыл журнал и отпустил нас. Аудитория зашевелилась: стулья заскрипели, кто-то заспешил к выходу, кто-то потянулся к телефону.

Я собрал тетрадь, встал и пошёл к двери, не глядя по сторонам. У двери меня догнали двое.

— Брестон?

Я обернулся. Парень с короткой стрижкой, в куртке на размер больше, и второй, повыше, в очках с толстой оправой. У первого было лицо человека, который со всеми знаком и всех любит. У второго — лицо человека, который ждёт, когда первый закончит.

— Я.

— Ты с олимпиады, да? Нам сказали. — Первый протянул руку. — Я Денис.

Рукопожатие было крепким, чуть дольше нужного, как будто он проверял, не слабак ли я.

Я пожал. Второй назвался Марком. Очки, тонкие пальцы, рукопожатие мягче. Я запомнил и всё равно на всякий случай повторил про себя: Марк.

— Ты как вообще? — спросил Денис. — Нормально устроился?

— Нормально.

— Ага. — Он кивнул так, будто не поверил, но допрашивать не стал.

— Пойдём в столовую, — сказал он. — Там кофе нормальный. Ну, как нормальный.

— Ты местный пробовал? — вставил Марк. — Его только с сахаром.

Я пошёл. Не потому, что мне нужен был кофе. Мне нужны

были люди, которые знают здесь всё и не боятся говорить: кто с кем, кто чей, где какие двери. Первый день — это как разведка, и глупо провести его в одиночестве.

В коридоре было шумно. Мы шли втроём: Денис впереди, разворачиваясь на ходу, Марк чуть позади, с рюкзаком на одном плече. Денис рассказывал, какой преподаватель злой, а какой ставит автоматом, кто из старшекурсников даёт конспекты, а кто нет. Я слушал вполуха и в то же время очень внимательно: запоминал имена, прозвища, этажи.

У окна стояли девушки. Я увидел их раньше, чем понял, что делаю.

Она стояла спиной к нам, у подоконника, а подруга что-то говорила ей на ухо. В руках у подруги была незажжённая сигарета, и она вертела её в пальцах, не собираясь закуривать. А она смотрела в окно, и в её лице было такое выражение, будто она решает задачу, которую сама себе придумала.

Свет падал сбоку, и на секунду мне показалось, что я вижу её всю: плечи, шею, руку на подоконнике. Я отвёл глаза. Слишком быстро, наверное, потому что Денис обернулся.

— Ты чего?

— Ничего, — сказал я. — Кофе так кофе.

В столовой пахло жареным маслом, тушёной капустой и кофе. Очередь двигалась медленно, кто-то спорил с кассиром из-за сдачи. Я взял кофе и булку, приложил карту (автомат пискнул и мигнул зелёным) и пошёл к столику, где уже сидели Денис и Марк. Столик был в дальнем углу, у окна с

видом на парковку.

Я сел так, чтобы видеть дверь, и тут же понял, что сделал это зря: теперь я буду смотреть на дверь весь обед.

Я чувствовал её взгляд. Не знаю, как это объяснить, но я его чувствовал: между лопатками, как будто кто-то навёл туда палец. Я не обернулся. Сказал себе, что это чепуха, что она смотрит в окно, что всё это моё воображение и три года ожидания.

— Ты вообще откуда? — спросил Марк.

— Из другого города.

— А вернулся почему?

Я откусил булку, прожевал, запил кофе. Булка была сухая, кофе сладкий до приторности. Вопрос был обычный, из тех, что задают в первый день, и ответ у меня был готов заранее. Я всё равно прокрутил его в голове ещё раз, как прокручивают ключ в замке, который плохо открывается.

— По семейным делам.

Они переглянулись. Коротко, как переглядываются люди, у которых уже есть общая версия. Марк опустил глаза в чашку, Денис откинулся на спинку стула. Никто не сказал ни слова. Хорошие ребята: понимают, когда человек не хочет говорить.

Мы ещё посидели. Денис рассказывал про расписание и преподавателей, какие пары можно не посещать, а какие нельзя ни в коем случае. Марк изредка вставлял одно слово, не поднимая глаз от телефона. Я смеялся в нужных местах

и запоминал имена.

А сам всё это время знал: за моей спиной, через ползала, у стены, сидит девушка, из-за которой я сюда приехал. Её смех я слышал отдельно от общего шума.

И ещё знал, что не обернусь. Не сегодня. Потому что если обернусь, всё сразу станет видно: и Денису, и Марку, и ей, и тогда я перестану быть новеньким, который ни на кого не смотрит, и стану парнем, который смотрит слишком долго.

После столовой была вторая пара, гражданское. Мы поднялись на третий этаж, Денис с Марком ушли к своим, и я остался один в потоке чужих спин.

Я сел на своё место во втором ряду, открыл тетрадь и приготовился не слушать. В голове всё ещё звучал смех за спиной.

Она вошла, когда преподавательница уже раскладывала папку. Прошла мимо, и я поймал запах: что-то цитрусовое, лёгкое, как кожура. Села через два ряда от меня, у прохода.

Я заметил это боковым зрением и запретил себе поворачивать голову. Запрет я сформулировал мысленно, почти по слогам, как приказ.

Преподавательница дала задачу: поставка, просрочка, неустойка. Аудитория зашелестела, кто-то начал спорить, кто-то сдался и уткнулся в телефон. Потом поднялась рука.

— Стоун.

Я услышал фамилию раньше, чем понял, что она значит. Как будто она прозвучала отдельно от всего остального, по-

верх шороха и скрипа стульев.

Она отвечала коротко, не глядя в записи. Считала вслух, останавливалась на секунду, чтобы поправить себя, и снова шла дальше. С той уверенностью, которую не покупают и не выдают вместе с дипломом. Её здесь знали, её слушали, преподавательница кивала, а потом назвала её по фамилии ещё раз, как будто ставила печать.

Стоун.

Я смотрел в тетрадь, на пустую страницу в клетку, и видел отца. Как он сидит на кухне с неразвёрнутой газетой. Как говорит, что боится не того, что сделаю я, а того, что сделают со мной. Как ссутулилась его спина у раковины.

Она смотрела на меня. Я почувствовал это раньше, чем увидел: как будто в комнате стало на один взгляд больше.

Не так, как смотрят на новенького. Без любопытства, без вызова. Прямо и внимательно, будто решала, кто я такой и почему сижу здесь. Я выдержал ровно столько, чтобы это выглядело спокойно, и опустил глаза в тетрадь.

Ручка в пальцах была холодная.

— Брестон, — сказала преподавательница, — а вы что думаете?

Я поднял голову. Она смотрела на меня поверх очков. Она ждала, что я скажу. И ещё кто-то ждал.

— Я думаю, что она права, — сказал я. — Но есть второй вариант.

И начал говорить. Голос у меня был ровный, как у чело-

века, который сотню раз отвечал на экзаменах. Не чтобы показать себя: мне нужно было чем-то занять голос, чтобы не думать о том, что девушка с этой фамилией сидит в двух рядах от меня и смотрит.

Я говорил и краем глаза видел, как она слушает. Как чуть поворачивает голову. Как стучит ручкой по тетради и вдруг перестаёт стучать. Как она ждёт, что я ошибусь.

Я не ошибся.

Преподавательница кивнула и что-то записала. Аудитория зашелестела: кто-то торопливо записывал, кто-то спрашивал соседа, кто-то смотрел на часы. Я посмотрел в её сторону: она уже отвернулась к окну, и по спине было видно, что злится. Плечи напряжены, спина прямая, как доска.

Хорошо. Пусть злится. Злая она меньше похожа на фотографию. На снимке была красивая девушка с чужого праздника, а здесь сидела живая, с прямой спиной и ручкой, которую она сжимала так, что побелели пальцы, и с этой было проще.

Домой я вернулся к вечеру. В городе уже зажглись фонари, асфальт блестел после дневного дождя, и мотоцикл пришлось накрыть чехлом.

Отец сидел в комнате перед телевизором. Звук был выключен, на экране шли новости: диктор открывал рот и показывал рукой на карту, будто объяснял что-то очень важное самому себе.

— Ужин на плите, — сказал он, не оборачиваясь.

— Спасибо.
— Ну как?
— Нормально.
— Нормально, — повторил он. — Это всё?
— Это всё.

Я прошёл к себе, закрыл дверь и сел на кровать, не снимая куртки. В комнате было темно, я не стал включать свет. За окном горел фонарь у подъезда, по стене ходили тени от веток, и в их движении было что-то от обоев в нашем прежнем доме. Я сидел и слушал, как в соседней комнате светит телевизор.

Я достал телефон, открыл галерею и минуту смотрел на снимки, которые сохранил, когда готовился. Экран светил в лицо, батарея показывала семь процентов. Там были её фотографии: с подругами, у машины, на чьём-то дне рождения. Я не рассматривал их толком ни разу: так, проверял, что запомнил лицо.

Теперь я смотрел по-другому. Искал на снимках то, что видел сегодня: прищур, улыбку на половину, руку, которой она держит стакан. Не находил. Телефон врал, или память уже переделывала её под себя.

Я закрыл галерею, погасил экран и убрал телефон в карман. В комнате стало ещё темнее: только фонарь за окном и светлый прямоугольник на потолке.

Я лёг поверх одеяла, не снимая куртки, и куртка мешала дышать. Я стянул её, бросил на стул и не стал вешать.

В голове у меня было две вещи, которые не сходились. Первая: я приехал сюда ради её отца. Вторая: я весь день думал не о нём. Я попробовал сложить их вместе, как складывают цифры в столбик, и ничего не вышло: получалось что-то, чего я не заказывал.

Я повернулся на бок и сказал себе, что это ничего не значит. Что завтра будет обычный день: пары, тетрадь, ребята, дом. Что люди ходят в университет и не думают весь день об одном человеке, с которым и словом не перекинулись. Что я умею держать себя в руках, я это три года умею.

Только перед глазами почему-то стояло её лицо у окна, повёрнутое в профиль. Свет сбоку, тёмные волосы, рука на подоконнике. И я лежал в темноте и смотрел не в потолок, а на неё.

Глава 3 Под ноги смотреть

Утром я проспала.

Не так, чтобы сильно, минуты на двадцать, но для нашего дома это было событие: у нас всё делалось вовремя, и мать считала, что человек, который опаздывает, показывает всем, чего он стоит. Я лежала и слушала, как внизу ходит прислуга, как звенит посуда и как в саду кто-то тащит по гравию шланг. За окном было серо, клён под моим окном облетел наполовину, и мокрая листва прилипла к дорожке.

Я спустилась в двадцать минут девятого, в халате поверх пижамы, с телефоном в руке. В столовой пахло кофе и тостами, и мать уже сидела там, как всегда: прямая спина, светлая

блузка, чашка на блюдце, планшет рядом, очки на цепочке.

— Доброе утро, — сказала я.

— Садись.

Я села. Прислуга поставила передо мной тарелку с яичницей и тостами, налила кофе и ушла, и я осталась сидеть и смотреть, как на желтке собирается и лопается белёсая плёнка. Есть не хотелось.

В столовой было тихо. За окном кто-то волок по гравию шланг, и звук был такой, будто по дорожке тащат железо. Мать сидела, как всегда: прямая спина, светлая блузка, салфетка на коленях, очки на цепочке. Она не подняла глаз, когда я вошла, и по тому, как ровно лежала её рука на планшете, я поняла, что разговор в её голове начался задолго до меня.

— Ты вчера легла поздно, — сказала мать, пролистывая что-то на экране.

— Ты проверяла?

— Я слышала, как ты ходила в час ночи. У нас старый дом, Эльза, здесь слышно всё.

Она произнесла это без упрёка, просто как факт: дом старый, слышно всё, и в этом нет ничего особенного. Так она говорила про погоду и про цены на что-нибудь ненужное. Я ждала, где в этой фразе спрятано начало, и пока не находила.

Я отломила кусок тоста, посмотрела на него и положила обратно. Положила к краю тарелки, ровно, как меня учили с шести лет.

— Мне надо в университет, — сказала я. — Я и так опаздываю.

— Успеешь. — Мать отложила планшет, сняла очки и положила их на салфетку. — Я хотела с тобой поговорить.

Я знала этот тон. Так она говорила о том, что уже решила, и решённое полагалось принять не как приказ, а как собственное желание, будто я только что придумала его сама. За окном шланг наконец затих, и стало слышно, как капает с листьев.

Я села ровнее и положила руки на стол.

— В четверг у нас ужин, — сказала она. — С Фирсовыми. Ты помнишь Фирсовых?

Она умела сказать «у нас ужин» так, что это звучало не приглашением, а расписанием, которое висит на вокзале и обсуждению не подлежит.

— Помню. У них сын.

Мать кивнула, коротко, как кивают, когда ученик наконец ответил правильно.

— Сын вернулся из Лондона. Учился там, работает теперь у отца. — Она помолчала, будто давала мне время оценить. — Ему двадцать восемь.

Я попыталась вспомнить хоть одно лицо. Фирсовых я, наверное, видела, на чьём-то приёме, в чьей-то гостиной, где было много народу и все говорили о другом, но в памяти не осталось ни одного лица, только чужие духи и разговоры у окна.

— И он, конечно, холостой.

— Он не женат, — сказала мать так, будто я сказала неприличное слово. Она поправила салфетку на коленях и разгладила её ладонью. — И это, как ты понимаешь, не навсегда.

Я взяла чашку и сделала глоток. Кофе был крепкий, с молоком, ровно такой, как я люблю, и это было хуже всего: в этом доме за мной всё было замечено, всё учтено и всё заранее решено, включая то, что я люблю. Я держала чашку в ладонях, тепло шло в пальцы, и я сидела и ждала, как ждут, когда тебе уже вынесли приговор и осталось его выслушать.

— Ты хочешь, чтобы я вышла за него замуж, — сказала я.

Мать не подняла голоса и не изменилась в лице, как будто я наконец произнесла вслух то, что она давно написала у себя на планшете.

— Я хочу, чтобы ты с ним поужинала. Замуж выходят не на ужине.

Она сказала это ровно, как говорят о том, что известно всем и не обсуждается, и от этой ровности мне захотелось встать и выйти из-за стола.

— Мам.

— Что «мам»? — Она посмотрела на меня прямо, и я поняла, что очки ей для этого не нужны. — Тебе двадцать. Через два года ты закончишь, и что потом? Ты думаешь, твой диплом что-то значит? Диплом значит ровно столько, сколько стоит семья, в которую ты его принесёшь. И ты это знаешь

не хуже меня.

Она говорила не спеша, ровными фразами, как говорят люди, которые повторяли это много раз и ни разу не сбились.

Я знала. Меня учили этому с детства, с тех пор как я начала понимать, что мы живём не как все. С садом, за который платят каждый месяц: два садовника, гравийные дорожки, клён под моим окном, которому каждую осень подрезают ветки. С охранником у ворот, который знает номер моей машины лучше, чем я сама. С машиной, которую мне купили в девятнадцать, потому что «девочке из приличной семьи нельзя ездить в такси».

— Фирсовы — это не худший вариант, — сказала мать мягче. — Это, возможно, лучший вариант, который тебе предложат. У них деньги не в одном месте, у них связи в трёх. Если ты выйдешь за их сына, у тебя будет всё, чего ты захочешь, и никогда не будет вопроса, как это оплатить.

Она говорила об этом так, как говорят о хорошем банке: спокойно, с цифрами и без восторга. И смотрела на меня поверх стола, ожидая, что я оценю.

— А если он мне не понравится?

— Привыкнешь. — Она улыбнулась, коротко и без всякой злости. — Все привыкают. Это не самое важное, чтобы понравиться. Важно, чтобы с человеком можно было жить и чтобы он мог тебя держать. Остальное — для книжек.

Я смотрела на неё и думала, что она говорит это не со зла. Она правда так думала: сорок шесть лет, муж с деньгами,

дом, сад, прислуга, планы на ужин в четверг. На безымянном пальце у неё было кольцо, которое она не снимала никогда, и она время от времени трогала его большим пальцем, как трогают вещь, в которой уверены. Она вышла замуж точно так же, её мать тоже, и в этом не было ничего трагического. Это была их жизнь, и они считали её хорошей.

Мне хотелось сказать ей что-нибудь злое. Что-нибудь такое, от чего она наконец рассердилась бы и перестала говорить со мной этим ровным голосом. И я не могла: в её жизни не было ни одной щели, за которую можно зацепиться. Всё было пригнано, как в хорошем доме, где ни одна дверь не скрипит.

— Хорошо, — сказала я.

Слово вышло сухим, как сухарь. Я услышала его сама и поморщилась.

— «Хорошо» — это да?

Мать подняла глаза. Она не любила, когда ей отвечали так, что можно понять двояко: в её мире у каждого слова был один смысл. «Хорошо» значило «да», а «я подумаю» значило «нет» и потом ссору.

— Это да.

Она кивнула и снова надела очки, за дужку, двумя пальцами, привычным движением, как надевают то, без чего из дома не выходят. Она была довольна, но не показывала: показывать, что ты доволен, — дурной тон. Она просто вернулась к планшету, и разговор закончился, как заканчивались

все разговоры в этом доме: я соглашалась, она продолжала работать.

Я посмотрела на телефон. Восемь сорок. Экран был тёплый, и на нём не было ничего: ни сообщений, ни звонков, только время и полоска заряда.

— Мне правда пора.

Я встала, и стул скрипнул по паркету. Салфетку я сложила и положила на стол, потому что в этом доме даже уходили по правилам.

— Надень то, что я сказала, — донеслось мне в спину. — Не джинсы.

Она сказала это не поднимая головы, ровно, как диктуют список покупок.

Я поднялась к себе. В комнате было прохладно, с вечера остался запах духов и открытого окна. Я скинула халат, открыла шкаф и постояла перед ним. В шкафу было всё, что нужно девочке из приличной семьи: юбки, блузки, два платья на выход, свитера ровной стопкой. Я достала тёмную юбку, подержала её в руках и повесила обратно.

Джинсы лежали внизу, на полке. Я натянула их, и они сели так, как всегда садились, и в этом было даже какое-то отдельное удовольствие.

Сверху свитер, волосы кое-как, пальто с крючка. В зеркале в прихожей на меня посмотрела девочка, которая проспала, не позавтракала и уже опоздала на двадцать минут, и вид у неё был такой, будто она это сделала нарочно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.